

Верность мне ты докажи,

Клятву не забудь.

Жизнь свою мне предложи,

Жертвою ты будь.

Ирина Кавинская

ПАРТИЯ ЖЕРТВЫ

INSPIRIA

Москва
2022

Пролог

Старое здание Мариинского театра выгорело почти дотла. Я иду сквозь почерневший от копоти зал среди хаоса обугленных и покорёженных стульев к оркестровой яме. С огромной дырой вместо сцены она похожа на разверзнутый зев.

Ненасытная пасть Искусства — вот что передо мной. Плотноядная глотка. Примы, премьеры, солисты, корифеи, кордебалет... Все сгинут. Останутся только Воплощения.

Что такое балет, как вы думаете? Партитура, рисунок танца и хореографический текст с подробным описанием каждой позы и каждого жеста? Ха! Всё это не более чем стопка макулатуры. И жалкие кривляния пятого лебедя в заднем ряду не танец, а только подёргивание мышц.

Вы когда-нибудь чувствовали, глядя на сцену, как по спине ползут мурашки? Забывали дышать, ощущая каждое движение танцора как своё собственное? Это вы несётесь вихрем в тур анлер, вы

Ирина Кавинская

взмываете над сценой в немыслимом баллоне... Кажется, будто вы проспали весь спектакль, но сон был волшебным. Вас окутывает приятная усталость. Большинству не дано почувствовать ничего подобного, но если с вами случилось такое, значит, вы действительно видели балет.

И на ваших глазах билось в агонии живое Воплощение Искусства.

Сложнейшие партии, после которых заскорузлые от пота и крови вкладки в пуанты не отодрать от кожи, — суть агония. Но в ней-то оно и живёт. Искусство. Живёт лишь два часа, пока идёт спектакль. Потом опускается занавес, и стихают последние аплодисменты, знаменуя его смерть.

Последние зрители ещё топчутся в ложах, а по залу уже расплзается тошнотворно-сладкий запах тлена. Обонятельное послевкусие боли. Сцена пропитана потом, который перебивает этот смрад. Но если спуститься в опустевший зал, дыхание перехватывает. Кажется, будто находишься в могиле. Теперь так и есть.

Они боятся обрушений, и здание театра оцеплено, но я прихожу каждый день. Здесь очень холодно. Гулкие отзвуки шагов в пустынном зале стихают не сразу, как будто кто-то крадётся по моим следам. Я замираю и вдыхаю плесневелую сладость, которая разом сгущается вокруг. Тот, кто ходит за мной... Теперь я знаю, кто ты.

Глава 1

АЛИНА

ВЕЧЕРНИЙ КЛАСС

Первая позиция. Я сливаю гран-плие. Ужасное чувство: я лажаю, но не могу скорректировать движение. Приседаю, а колени идут не туда, и я знаю, что дальше будет только хуже. Сажусь ещё глубже, сгибая ноги по-лягушачьи, и понимаю, как жалко это выглядит. А он смотрит. И тоже понимает это. И понимает, что я понимаю.

Мы встречаемся глазами, и мой взгляд кричит: «Знаю! Знаю! Знаю! Пожалуйста, ничего не говорите!» И он молчит. Пока. Даёт возможность выправить позу самой. Пот холодит спину. Но это ещё не тот липкий и горячий пот, которым купальник пропитается насквозь после больших батманов — к концу работы у станка. Этот холодный, мерзкий. От осознания, что я лажаю. Лажаю под взглядом репетитора в свой первый день в Вагановке.

Вчера для меня начался февраль в Питере. Дикий холод и толчея. Невский проспект звенел китайским «дзинь-дзянь», а от вспышек камер на те-

лефонах было светло, как днём. Я неслась с чемоданом от самого вокзала — нужно было успеть в академию до закрытия, встретиться с ректором и забрать ключи от квартиры. В общежитие меня не поселили: нет мест.

Путь от площади Восстания до улицы Росси оказался тем ещё приключением. Только что сыпавший снег спустя пару минут хлюпал под ногами грязной жижей. Жуткие бутафорские зебры и осьминоги тыкали мне в лицо какими-то афишами, впихивали листовки. Пыталась увернуться, но с чемоданом оказалось не просто: весь этот мусор осел-таки в моих карманах. «Спа-салон». «Тайский массаж». «Экскурсии по центру. Знаю каждый дом»... Каждый дом? Как такое вообще возможно, когда они тут друг на друге громоздятся? Это тебе не Пермь, где весь центр — два с половиной здания...

Наконец, передо мной был большой театр. Большой — в смысле размера. Но он и внешне походил на тот Большой, о котором я в детстве мечтала. Сейчас знаю: туда мне путь заказан. Даже в кордебалет. Да что там, даже в миманс.

Академия обнаружилась сразу за театром. Вахтёр пропустил меня, скривившись от просьбы последить за чемоданом. Только полчаса — не больше — смена уже закончилась, а ночевать в «этом месте» он «не подряжался».

ПАРТИЯ ЖЕРТВЫ

Академия русского балета. Великая Вагановка... Поднимаясь по лестнице, я вглядывалась в портреты великих балерин: Павлова, Спесивцева, Уланова...

Говорят, они шепчутся, увидев Воплощение.

Я замерла, напрягая слух, но в мрачной тишине слышались лишь завывания ветра — сквозняк вырывался из второго этажа и гулял по лестнице.

Чем пристальнее я разглядывала портреты, тем меньше они казались похожими на те открыточные репродукции, которые знает каждая балетная девочка. В приглушённом свете силуэты балерин выглядели кривыми, исковерканными. Не арабеск, а обречённый, бросающийся с обрыва в бездну. Не экарте, а утопающий, хватающийся за несуществующую соломинку. Не тирбушон, а бледное тело, окоченевшее в неестественной поломанной позе.

Лестница упиралась в полутёмный коридор. Проходя по нему, я оглядывала сквозь стеклянные дверные вставки залы для занятий: где-то среди них тот, в котором умерла ученица...

Интернет бурлил после того случая, но не прошло и месяца, а уже можно «угулиться», пытаясь отыскать о нём хоть что-то. Сначала имя девочки пропало из заголовков, а следом и все упоминания о ней исчезли. Правду так и не узнали. Искусство умеет хранить свои секреты.

Свет горел только в дальнем конце коридора — в приёмной ректора.

Далеко не лучшая в Пермском, переводясь в Питер на выпускном курсе, я понимала, что меня ждёт. Точнее, примерно понимала. Я думала: «Ну не поставят в центр, и ладно. Тянуть гран-батман хоть у всех на виду, хоть в дальнем углу класса — всё одно...» Я не ожидала, что меня вообще не пустят в этот самый класс и я окажусь в вечернем — для отстающих.

Самсонов — ректор — сказал, что это всего на три недели, до постановки. Выпускники ставят «Сильфиду» на сцене Мариинского ко Дню работника культуры, и он принял «педагогическое» решение не вводить меня в основной класс до премьеры. «Сейчас, когда у детей весь день занят репетициями, не совсем подходящее время». Или не совсем подходящая я.

Стол ректора сплошь заставлен сувенирными фигурками и статуэтками — балетными, конечно. Фарфоровые и латунные балеринки с тонкими ручками и точёными ножками выглядят совершенством, но не способны двигаться. И поэтому не имеют ничего общего с балетом. Та, что на самом краю, вытянулась в пятой на полупальцах.

— Стоять! — срывается на крик Виктор Эльдарович, репетитор, когда мы в классе входим в эту позу. — Держать! — визжит он и отсчиты-

ПАРТИЯ ЖЕРТВЫ

вает: — Три, четыре... Десять... Двадцать... Ещё! Держим! Ещё!

Вот и он. Тот самый пот: липкий и горячий.

Рассматривая фигурки на столе, я думала о том, что оживи они все вдруг, и кабинет ректора насквозь пропитался бы вонью потных тел и старых пуантов. Но здесь пахло... Мятой. Самсонов брызнул на руки из флакончика, растёр ладони и глубоко вдохнул аромат, напоминавший бабушкин чай.

Я ждала его внимания, но он не спешил возвращаться ко мне: продолжал то и дело ёжиться и нервно дёргаться, как минуту назад, когда отчитывал секретаршу за безвкусно сделанные программки к предстоящему спектаклю:

— Аллочка, дорогая, ну что это? Кто? Как?! — Он сжал лоб длинными костлявыми пальцами, словно мучаясь приступом головной боли. — Он из Консерватории, конечно, этот ваш новый художник?

Секретарша виновато кивнула. Самсонов потрянул головой, словно пытаясь сбросить то, что видел перед собой, как наваждение, и блестящие чёрные волосы упали на лоб. На фоне пересекавших его глубоких морщин они выглядели странно: уж лучше бы с проседью как-то красил — смотрелось бы гораздо естественнее.

— Нет! Нет! И нет! Уберите эту красноту! — продолжал возмущаться он. — И шрифт не тот, и

вот эти вензеля — безвкусица какая, ну что это? Откуда? Консерваторские любят такое, но среди балетных это моветон! Есть классический вариант программы Мариинского, его и возьмите за основу! Мы выступаем в лучшем театре страны, но то, что вы мне предлагаете... Ну этот вариант для бродячего цирка шапито. Никогда, дорогая моя!

Девушка слушала, потупив взор.

— И ваша невнимательность, Аллочка, я должен сказать! Это уже не в первый раз у нас с вами. Ещё одна подобная история, и я буду вынужден задуматься о том, насколько вы уместны здесь!

Аллочка залепетала какие-то оправдания, долго извинялась, обещая всё исправить, но наконец бесшумно скользнула за дверь, забрав со стола злополучную программку, к которой Самсонов брезговал даже прикасаться.

Я тоже не стала бы трогать её. Пестривший аляповатой краснотой листок напомнил мне другой — тот, что я держала в руках много лет назад. Куцый, отпечатанный на дышавшем на ладан принтере гарнизонного дома офицеров, он сплошь был покрыт узором, что называется, «с претензией»: там были трубящие толстощёкие купидоны, нелепые завитки, какие-то шпаги, развевающиеся флаги...

Если смотреть не моргая, сквозь пестроту рисунка, словно застывшие театральные маски, про-

ПАРТИЯ ЖЕРТВЫ

ступали искажённые лица. В них мне виделись злоба, боль, ужас. Я разглядывала листок под разными углами, стараясь уловить новые и новые выражения, но красивых и счастливых лиц не выходило: только перекошенные гримасы. Когда воображение иссякло, я переключилась на текст — в программке были отпечатаны фамилии выступавших. Расплывшиеся чернила делали их едва читаемыми, но одно имя я хорошо знала: моя мама танцевала в тот вечер. Тогда-то на сцене я и видела её в последний раз.

Когда мы остались наедине, ректор уставился на меня так, словно за эти пять минут разборок с секретаршей успел уже напрочь забыть о том, кто я такая, но спустя секунду в его взгляде появилась ясность и... разочарование.

Он спросил о причине моего перевода. Снова. Я повторила: мой папа военный, и его направили служить в Ленинградскую область. От этих слов Самсонов сначала сморщился, а потом всплеснул руками и снова схватился за голову.

Он, конечно, уверен, что отец должен был оставить меня в Перми — дать закончить училище. Самсонову невдомёк, что для отца танцы — блажь, а не профессия, и он решил, что если мне не светит будущее примы, то нет смысла «носиться с этим балетом», а надо думать о поступлении в «нормальный вуз». Мне повезло, что он дал до-

бро на то, чтобы в Питере я жила отдельно. Правда, я соврала, что мне дали место в общежитии.

Самсонов слушал меня со скорбным выражением лица — для него общение с теми, кто не «в балете», сродни кошмару наяву. А потом резко сменил тему.

— Алиночка, я рад, что мы поняли друг друга... Относительно вашего ввода в класс, — он поджал губы. — Это вынужденная мера, пока не схлынет напряжение. Эта постановка... Не выпускной спектакль, конечно, но суть та же. Это дебют на сцене Мариинки для большинства наших ребят и... Ну, сами понимаете, всё серьёзно. А вы... Ну, вы — конкурентка, да, — он покашлял, — я хочу сказать, что они так считают, девочки нервничают, конечно. И мальчики тоже. А сейчас это не нужно.

Я кивнула — не нужно, так не нужно.

— Пока поработаете с Виктором Эльдаровичем, — продолжал Самсонов. — Это прекрасный репетитор. Он посмотрит на вашу технику, скорректирует, что нужно. А уже потом начнёте посещать дневные классы. После спектакля мы начинаем подготовку к государственному экзамену — вы будете готовиться вместе со всеми. Ну а эта пара недель вам поможет войти в ритм, посмотреть на наши требования. Пермское — одно из лучших в стране, но здесь у нас всё немножко по-другому, вы должны понимать.

ПАРТИЯ ЖЕРТВЫ

Понимаю, ещё бы нет. И я уже готова была мысленно поблагодарить его за то, что не сказал самое главное и самое ужасное. Но он сказал.

— И что касается... Вашего будущего в балете, — Самсонов снова поджал губы. — Вы понимаете, что я должен об этом сказать сейчас, чтобы не было недопонимания. Конечно, всё это может открыться только на сцене в полноценном дебютном спектакле и, хотя мы с педагогами видели ваши вариации, мне сложно сейчас...

Он замолчал и шумно выдохнул, собираясь с силами для того, чтобы вынести мне приговор:

— Одним словом, Аллочка... Ой, Алиночка, прошу прощения, дорогая... Одним словом, вероятность того, что конкретно вы являетесь очередным Воплощением Искусства, крайне мала.

Он ждал моей реакции, но я едва кивнула. Мала! Да она равна нулю, эта вероятность! Я не Воплощение. Я знаю. Лучше тебя, лучше всех вас. Но я танцевала задолго до того, как поняла это, и танцевала после.

Да и он сам — бывший премьер Мариинки, Заслуженный деятель культуры, лауреат бесчисленного числа премий — тоже не Воплощение. «Всего лишь» великолепный танцовщик. Человек.

Для «не балетных» это, наверное, прозвучит бредом, но те, кого мы называем Воплощениями Искусства, — не люди. Как и многие централь-

ные образы балетных спектаклей, они — мистика. Нереальные создания, наподобие Королевы лебедей, Вилис или Сильфиды. Они не играют эти роли, наоборот, выходя на сцену, показывают то, кем являются на самом деле. Их только на сцене и можно заметить. Никогда в классе или репетиционном зале — только на сцене. В свете рампы открывается их истинная суть. У Воплощений отличная от людей физика, не ограниченная сбившимся дыханием, хрупкостью костей или перенапряжением мышц. Они рождаются раз в десятилетие — одна балерина и один танцор из тысяч.

Как и каждый в балетном мире, я мечтала оказаться среди них. Танцевала только ради этого одного, уверенная, что стоит мне взойти на подмостки, как сцена откроет всем, кто я такая на самом деле. Но в училище я не была в топе, и мне не давали ролей.

За глаза девочки называют репетитора Виктор, с ударением на второй слог. Он тощий и прямой, как будто палку проглотил. Голова чуть запрокинута назад, словно он собирался отвесить классический балетный поклон, но у него защемило шею. Так он и ходит, глядя на всех сверху вниз, чуть наклоняя голову вперёд, только если доволен тем, что видит. Здесь, в классе для отстающих, это случается редко. Разве что он смотрит на Женю. Это лучшая девочка с выпускного курса. Она из небо-